

УДК 81'271:[81'373.611:81'23]

**О ФАКТОРАХ СТЕРЕОТИПНОСТИ/КРЕАТИВНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ/РЕЧЕВЫХ ЯВЛЕНИЙ
(на примере глагола «васильковец»)**

И.Н. Щекотихина

*Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка
e-mail: shchekotikhina69@mail.ru*

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

В статье представлен фрагмент исследования в области выявления факторов стереотипности/креативности процессов и продуктов речевой деятельности. Объектом рассмотрения в данной части работы выступает глагол «васильковец» как продукт речепорождения и языковой знак. Выявление его статуса как продукта стереотипной или творческой деятельности и определяющих данный статус факторов осуществляется путем комплексного анализа его словообразовательной структуры и данных психолингвистического эксперимента.

***Ключевые слова:** стереотипность, творчество, креативность, речевая деятельность, словообразование, психолингвистический эксперимент.*

Введение.

Различные проявления стереотипного и творческого (креативного) в речевой (языковой, речемыслительной, коммуникативной, дискурсивной) деятельности человека постоянно привлекают внимание исследователей. Объектом научного интереса являются различные типы продуктов стереотипности и креативности, их типологические признаки и критерии их дифференциации, способы и средства их создания (порождения), особенности функционирования и т.п. Данная публикация представляет фрагмент исследования, посвященного выявлению факторов, определяющих степень стереотипности/креативности языковых явлений (речевых фактов), на основе установленных в процессе анализа параметров.

В публикациях на тему соотношения стереотипного и творческого мы неоднократно подчеркивали тот факт, что творчество, в том числе и языковое/речевое, связано с преодолением границ, установленных нормами (правилами, канонами), с отклонением от шаблонов (образцов, стандартов). Вместе с тем мы обращали внимание на то, что понятия нормы, стандарта и т.п., в том числе в языке/речи, являются весьма относительными, т.е. границы нормативного (стандартного) не всегда отличаются четкостью и жесткостью. Кроме того, мы полагаем, что «интерпретация фактов отклонения от нормы в продуктах и актах

речепорождения может и должна происходить в разных системах координат, соотносимых с разными «измерениями» (асpekтами) речевой деятельности, которые задают ракурс рассмотрения и направление анализа» [Щекотихина 2016: 101].

В связи с вышесказанным мы предлагаем провести анализ одного языкового/речевого факта с целью выявления «измерений», которые могли бы послужить параметрами для его сравнения с тем, что считается в данной системе координат нормативным, и обнаружения «точек выхода» за пределы стандарта (шаблона, образца).

Рассматриваемый нами языковой/речевой факт относится к области словообразовательной деятельности человека и приводится в качестве примера в книге Е.А. Земской «Современный русский язык. Словообразование» [Земская 1973].

Рассуждая о различиях между потенциальными и окказиональными словами, Елена Андреевна обращает внимание на случаи, которые сочетают в себе черты и тех, и других, и про которые сложно сказать, являются ли они нарушением нормы или реализацией ее потенциальных возможностей. Для иллюстрации таких случаев исследователь использует глагол «васильковеть» (со значением выявления признака), обнаруженный в стихотворении З. Гиппиус «Голубой конверт». См. в контексте: «Разорванный, праздный, длинный Конверт на ковре васильковел» [Гиппиус 1999:343] (выделение наше – И.Н.Щ.).

По словам Е.А. Земской, этот глагол «...содержит редкое для глаголов на -еть число слогов – четыре (ср.: шелудиветь, волосатеть, угреватеть, деревенеть). И эту особенность можно рассматривать как некоторое нарушение законов действия данного типа, т.е. черту окказиональности. Однако по всем другим свойствам (derivационное значение, семантико-грамматические признаки производящей основы – качественное прилагательное с суффиксом -ов – со значением цвета) этот глагол принадлежит к явлениям чистой реализации типа, т.е. потенциальным словам» [Земская 1973: 250]. В качестве примера аналогичной реализации данного типа приводится слово из устной речи «помускулистеть». См. в контексте: «Тебе не кажется, что я – как бы это сказать – помускулистка?» [Земская 1973: 250].

Таким образом, с точки зрения указанных Е.А. Земской свойств, рассматриваемый глагол имеет отклонение от нормы только по одному из них – количество слогов, характерное для глаголов данного типа. Отсюда следует вывод, что он в значительной мере создается (производится) по некой типовой (стандартной) модели. Несмотря на данное заключение, мы ощущаем в нем большую долю нестандартности, обусловленную какими-то еще факторами помимо нетипичного количества слогов. Чтобы убедиться в наших предположениях или опровергнуть их, проведем более

тщательное исследование по выявлению максимального спектра характеристик данного образования, а также составим «портрет» типичного представителя подобного рода глаголов.

Материалы и методы.

Для решения поставленных задач считаем целесообразным рассмотреть исследуемое слово, с одной стороны, как лингвистический конструкт (языковой знак), с другой, как элемент речемыслительной (лингвокогнитивной) деятельности человека, объединив потенциал словообразовательного анализа и экспериментального исследования. Вслед за Л.В. Сахарным мы полагаем, что, несмотря на искусственность экспериментальной ситуации, «выявляемые в эксперименте принципиальные особенности речевой деятельности характерны для речевой деятельности и в других, неэкспериментальных, ситуациях» [Сахарный 1989: 89].

С помощью словообразовательного анализа выявим лингвистические характеристики глагола «васильковеть» как лексического новообразования. Релевантными параметрами анализа в данном случае мы считаем его словообразовательный тип, включающий такие субпараметры, как словообразовательный формант, мотивирующая (производящая) основа и словообразовательное (деривационное) значение, и его фонетический облик.

Цель экспериментального исследования – моделирование актов восприятия (осмысления) и порождения (создания, конструирования) данного слова, направленное на установление степени (не)типичности и (не)стандартности в действиях респондентов.

В этой связи были разработаны три анкеты, которые были предъявлены трем группам респондентов (студентам 1-2 курса института иностранных языков). Обращение к разным группам респондентов позволило исключить элемент подсказки вопросами, предназначенными для стимулирования другого вида лингвокогнитивной деятельности. Количество респондентов в каждой группе составило 50 человек (общее количество 150). Данное количество мы считаем вполне репрезентативным, т.к., в частности, практика проведения ассоциативных экспериментов показывает, что наиболее частые реакции проявляются уже при наличии 50 испытуемых (см. например: [Залевская 2010: 208]).

Первой группе респондентов были заданы вопросы, которые

а) устанавливали факт знакомства участников эксперимента с предъявленным им словом (т.к. после написания З. Гишпиус стихотворения «Голубой конверт» прошло более 100 лет, а после публикации книги Е.А. Земской – 50 лет);

б) выявляли особенности восприятия данного слова и осмысления его семантики вне контекста стихотворения (изолировано и в потенциальных контекстах его употребления);

в) направляли речемыслительную активность респондентов на осмысление слова в контексте стихотворения.

Второй группе респондентов был задан всего один вопрос: какой глагол (какие глаголы) Вы могли бы образовать от прилагательного «васильковый»?

Перед респондентами *третьей группы* были поставлены две задачи:

а) написать известные им глаголы, которые можно использовать для передачи значения «быть/казаться/выглядеть синим»;

б) написать глаголы, которые они могли бы создать (сконструировать) для передачи значения «быть/казаться/выглядеть синим».

Проводимый нами эксперимент является разновидностью психолингвистического эксперимента, поскольку в ходе выполнения указанных заданий респондентам предстоит совершать ряд речемыслительных действий (восприятие, идентификацию, поиск информации, порождение вербального знака и т.д.), активирующих систему связей внутреннего опыта («ассоциативно-вербальную сеть», по Ю.Н. Караулову [Караулов 1999], «единую информационную базу человека», «индивидуальное знание», «живой поликодовый гипертекст», по А.А. Залевской [Залевская 2013]). Полученные в результате анкетирования ответы в определенной мере эксплицируют следы этих действий, в частности, опоры, определяющие выбор направления активации связей (стратегий ассоциирования).

По данным исследований в области идентификации слов, такими опорами являются префиксальные, корневые, суффиксальные морфемы и флексии; цепочки фонем/графем; слова, схожие по звукобуквенному комплексу и отражающие частеречную принадлежность слова-стимула; элементы опыта и ситуации, содержащие следы контекстов, в которых человек встречал стимул или похожее слово; эмоционально-оценочные феномены; субъективные ощущения сходства/несходства незнакомого стимула с другими единицами языка; внутреннюю форму слова как промежуточный элемент поискового (ассоциативного) процесса; прецедентные феномены; элементы коллективного знания и пр. (см. подробнее в работах представителей Тверской и Уфимской психолингвистических школ: [Сазонова 2000; Газизова 2006; Ткаченко 2007; Новикова 2011 и др.]).

Полагаем, что эксплицированные в процессе экспериментальных процедур опоры и стратегии, демонстрирующие индивидуальное понимание (субъективное переживание) изучаемого объекта, существенно

дополняют его «портрет» и позволят сделать более конкретные выводы о степени и факторах его стандартности/нестандартности.

Результаты и обсуждение.

По словообразовательному типу глагол «васильковеть» представляет ряд глаголов, образованных при помощи суффикса -е от качественных прилагательных со значением внешнего признака. Указанная мотивирующая основа наделяет такие глаголы значением «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным»: *белеть, прочнеть* и т.п. Часть таких глаголов наряду со значением становления признака имеет вторичное значение выявления признака: *белеть* – ‘*виднеться (о белом)*’, *голубеть, пестреть* и т.п. Данный словообразовательный тип считается довольно регулярным (как формально, так и семантически) и продуктивным, особенно в разговорной и художественной речи, а ряд относящихся к нему глаголов незамкнутым [Русская грамматика 1980: 344-345].

С фонетической точки зрения глаголы, образованные по такому типу, как правило, имеют двусложную или трехсложную структуру. Еще одной особенностью этих глаголов является наличие неподвижного ударения, в большинстве слов – на суффиксе [Русская грамматика 1980: 345].

Таким образом, типичный представитель таких глаголов как серийный продукт данного словообразовательного шаблона обладает следующими характеристиками:

- мотивирующая основа – *качественное прилагательное со значением внешнего признака*;
- словообразовательный формант – *суффикс -е*;
- словообразовательные значения: *приобретение/становление признака* (первичное), *выявление/проявление признака* (вторичное);
- количество слогов – 2-3;
- позиция ударения – *суффикс*.

Следует, тем не менее, заметить, что данный тип допускает определенные вариации, отклонения от указанной нормы, касающиеся преимущественно фонетического облика глаголов. В допустимую область вариаций (отклонений) входит сохранение в глаголах финалий мотивирующих прилагательных, большее количество слогов и иная позиция ударения (например, *беременеть, шелудиветь и т.п.*) [Русская грамматика 1980: 345].

Сравнивая глагол «васильковеть» с описанным образцом, мы видим, что он полностью повторяет его схему образования и реализует в контексте стихотворения одно из возможных значений – выявление/проявление признака. Количество слогов и позиция ударения не являются вполне типичными, но вписываются в область допустимых

отклонений. Означает ли данное обстоятельство, что образование и появление данного глагола в речи – факт в высокой степени ожидаемый (предсказуемый) и характеризующийся значительной долей стереотипности?

Результаты словообразовательного анализа показывают, что создание данного слова не сопряжено с существенным выходом за пределы известного прототипа, с трансформацией его базовых характеристик, однако принадлежность ряда его характеристик не к ядерным, а периферийным (области допустимых вариаций) делает этот процесс не столь шаблонным и очевидным.

Рассмотрим и проанализируем данные эксперимента, направленного на восприятие и порождение данного слова носителями языка.

По результатам анкетирования первой группы, основная масса ее участников не знакома с рассматриваемым глаголом. Один респондент отметил факт знакомства, однако счел затруднительным привести контексты, в которых он мог наблюдать данный глагол в речи. Никто из указанной группы не использовал его в своей речи.

83% информантов считают указанный глагол необычным, в числе причин необычности называя 1) отсутствие знакомства с ним, 2) не востребуемость в речи в связи с наличием более простых и понятных синонимов, 3) смешное звучание, 4) архаичность, 5) непонятность значения, 6) наличие корня, не связанного по смыслу со значением глагола («васильки в целом ничего не делают, как и другие цветы»). Однако ассоциирование корня глагола с названием цветка «василек» позволило 7% респондентов воспринять данный глагол как обычный.

По итогам анализа ответов на вопрос о значении данного глагола (субъективных дефиниций) вырисовывается следующая картина.

Подавляющее большинство респондентов (78%) воспринимают этот глагол в значении приобретения/становления/изменения признака. На приобретение признака *цвета* указывают 67% участников эксперимента, из них более 90% указывают на синий/фиолетовый цвет: *синеть, синиветь, посинеть, поголубеть, приобретать цвет василька, приобретать голубой или синий цвет/оттенок, становиться/стать василькового цвета, становиться синим/голубым/васильковым/фиолетовым* и т.п. В единичных случаях отмечается красный цвет: *покраснеть, побагроветь, зардеться*. В числе иных признаков называются эмоциональное состояние (*веселеть, добреть, становиться грустным*) и внешний вид (*хорошеть, становиться лучше, красивее*). В ряде случаев приобретение указанного цвета связывается с изменением психофизиологического состояния человека (эмоций, ощущений): *посинеть от злости/обиды/стыда/зависти/холода*. В одной анкете наряду с

приобретением цвета имеется указание на изменение категории объекта (*становиться цветком*).

В 12% анкет обнаруживается вторичное словообразовательное значение – выявление/проявление признака и, что примечательно, признак цвета (*быть василькового цвета*) зафиксирован только в одной анкете. В остальных случаях респонденты опять-таки связывают данный глагол с эмоциональной сферой, например: *испытывать какое-либо чувство/эмоцию, чего-то бояться, робеть, смущаться, киснуть, распускать нюни, радоваться, улыбаться*.

Отнесение 10% дефиниций к первичному или вторичному словообразовательному значению вызывает затруднение, поскольку дефиниции даны путем синонимической замены, а именно глаголом «синеть», который также имеет оба указанных значения. Однако предлагаемые участниками эксперимента высказывания с этим глаголом в большинстве случаев указывают на значение приобретения/становления/изменения признака.

Среди дефиниций встречаются такие, которые не вписываются в область прототипического словообразовательного значения, поскольку в них указывается на действие с объектом, имя которого, по всей видимости, воспринимается респондентом как производящая основа для данного глагола, например, *ухаживать за васильками*.

Анализ высказываний, придуманных респондентами с глаголом «васильковеть», выявляет ту же тенденцию – доминирование высказываний с глаголом в значении приобретения/становления/изменения признака (91%), например: *С годами ее глаза васильковели // Когда на улице становилось холодно, мы все васильковели // С приходом вечера небо начинает васильковеть // Он васильковееет при виде ее*.

Следует отметить, что в значительном числе анкет (41%) факт модификации глагола – его дальнейшее деривационное преобразование путем прибавления приставок, меняющих видовую отнесенность глагола, например: *Все поле завасильковело, будто небо поменялось местами с землей // От холода он повасильковел*.

Полученные данные показывают, что рассматриваемый глагол в большинстве случаев воспринимается носителями русского языка как понятный, значение которого «вычисляется» на основе идентификационных опор – мотивировочных признаков (значения производящей основы и словообразовательного аффикса) и существующих в языке аналогов-прототипов. 80% опрошенных связывают данный глагол с прилагательным «васильковый» и существительным «василек» и соответствующим цветом (стратегия опоры на мотивирующее слово, производящую основу). 3% респондентов также ассоциируют данный

глагол с васильком, но кладут в основу иные мотивировочные признаки: *красота, беспечность/безответственность, скромность*. 6% продемонстрировали стратегию опоры на аналоги (*желтеть, краснеть, зеленеть*). 1% указал на словообразовательные особенности слова. 10% не смогли дать какое-либо рациональное объяснение своего толкования и сослались на интуицию/чувства, причем половина респондентов из этого числа восприняли глагол в значении приобретения/становления/изменения *цвета*, а другая половина – в значении приобретения/становления/изменения *эмоционального состояния*.

Таким образом, в стратегиях восприятия и интерпретации глагола «васильковеть» наблюдается значительная степень однообразия, проявляющаяся в типичности выбора направления активации ассоциативных связей по линии актуализируемых признаков и словообразовательных аналогий. Данный факт свидетельствует о том, что предъявленный в качестве стимула глагол своей относительно прозрачной словообразовательной структурой задает эти направления, т.е. активизирует вполне очевидные связи, толкая тем самым к стереотипному, ожидаемому решению поставленной задачи.

Отклонения от доминирующей тенденции связаны с метафорическим осмыслением стимула, вызванным не вполне стандартным ракурсом его видения, т.е. выбором иных направлений активации ассоциативной сети, менее очевидных. Данное поведение участников эксперимента свидетельствует о выходе из зоны наиболее предсказуемых связей, т.е. о большей доле креативности в их стратегиях, проявляющейся в субъективности и панорамности взгляда на воспринимаемый объект.

Однако следует заметить, что ряд «иных» толкований глагола также характеризуется некой похожестью, в частности, отнесением стимула к сфере эмоций, что, на наш взгляд, может иметь вполне объяснимую мотивировку. Например, ассоциирование по линии *цвета*, актуализирующее область символики синего цвета, активизирует распространенную в современном языковом сознании (полагаем, под влиянием англоязычной культуры) его ассоциацию с хандрой, унынием. Аналогичное понимание бытует и в психологии: синий цвет в большом количестве может вызывать стресс, апатию, депрессию. С другой стороны, ассоциирование данного глагола с положительными эмоциями (весельем, радостью и т.п.) может быть объяснено яркостью цвета василька. Ассоциирование стимула по линии оценки внешнего вида объекта, а именно с красотой/улучшением также может быть объяснено представлением о васильке как цветке красивого цвета, что подтверждается опорой респондента на довольно распространенное сравнение красивых глаз с васильками.

Тем не менее представленная палитра эмоциональных состояний довольно разнообразна, и в сконструированных авторами указанных трактовках высказываниях реализуемые значения не считаются однозначно без дополнительных пояснений, например: *Это было тяжело пережить, поэтому я немного стал васильковеть* (грустить) // *Аня васильковела от своего поступка* (синела от стыда) // *Он повасильковел в компании друзей* (повеселел) // *Мария васильковала не по годам* (хорошела) // *Ты начал больше васильковать* (радоваться) // *Век живи – век василькуй* (расцветай) (обращаем внимание на искажение фоно-морфологического облика слова в некоторых высказываниях).

Отмеченное разнообразие дополняется и более неожиданными толкованиями, в частности, проведением аналогий между васильком и такими чертами, как беспечность и безответственность, робость и смущение, например: *Из-за его искренней речи Соня начала васильковеть* (смущаться) // *Антон завасильковел перед выбором* (оробел, скис, распустил нюни).

За рамки ожидаемого выходят и дефиниции, иначе интерпретирующие словообразовательную модель глагола «васильковеть», например, «ухаживать за васильками», «становиться цветком». В высказываниях, объективирующих данные значения, также наблюдается фоно-морфологическая деформация глагола, например: *Петя василькует каждый день*.

Полагаем, что обозначенные выше факты отклонения от «генеральной линии» в восприятии глагола «васильковеть» свидетельствуют не только о субъективности процесса восприятия, но и о заложенном в самом слове элементе нестандартности, допускающем неоднозначность интерпретации.

Сопоставим результаты восприятия изолированного слова с результатами его восприятия в контексте стихотворения. В этой части эксперимента на первый план вышло значение выявления/проявления признака. 65% респондентов используют для описания передаваемого глаголом смысла такие слова/фразы, как *выделялся, бросался в глаза, обращал на себя внимание, красовался*. Причем только половина из них эксплицитно указывает на признак цвета, благодаря которому конверт выделялся.

29% опрошенных усматривают у глагола семантику локализирующего характера, объективируя ее при помощи следующих глаголов: *находился, лежал, валялся, покоился, отдыхал*. При этом ряд глаголов содержит указание на уточняющие признаки, например, характер положения в пространстве, его оценку: *спокойно, неподвижно, небрежно*. Оценочность присутствует и в таких толкованиях, как *лежал без дела/без цели, не привлекал внимания, пропал зря, пылился, разлагался*, которые выражают

смысл, прямо противоположный описанному в предыдущем параграфе. Такая оценка отмечается у 16% респондентов.

В ответах 6% участников данной экспериментальной группы можно выявить словообразовательное значение приобретения/становления/изменения признака. Однако его специфика существенно отличается от той, которая лидировала при восприятии изолированного слова. В восприятии данных респондентов слово «васильковел» передает значение не приобретения василькового/синего/фиолетового цвета, а, наоборот, его исчезновение: *выцветал, исчезал, старел, розовел*. В последнем случае автор анкеты проводит метафорическую аналогию между изменением цвета (розовением) у объекта с его старением, забыванием. Противоположным представляется толкование данного глагола в значении приобретения синего цвета в связи с тем, что его не трогали.

Интерпретируя выбор данного глагола автором стихотворения, 35% опрошенных указывают на сходство между цветом конверта и цветом василька, который выделял объект на фоне ковра. 20% респондентов усматривают в цвете конверта символику грусти, тоски, меланхолии, ненужности. При этом 60% испытуемых отметили, что использованное поэтом слово более ярко, образно, эмоционально передает авторский замысел, выражает его чувства, создает определенную атмосферу, украшает стихотворение, делает произведение «более творческим».

Таким образом, несмотря на наличие контекста, задающего определенное направление осмысления слова, и на наличие некой типичности в его толковании, опять-таки наблюдается варьирование, вызванное непривычностью и нестандартностью глагола.

Парадоксальными представляются результаты анкетирования второй группы респондентов, отвечавших на вопрос, какой глагол можно было бы образовать от прилагательного «васильковый». Ни в одной из полученных анкет не был зафиксирован рассматриваемый глагол. Представленные респондентами дериваты образованы по иным моделям: *васильковать, васильковывать, василькать, василить, василять*. Указываются также их приставочные дериваты: *вывасильковать, завасильковать, отвасильковать, перевасильковать, овасильковывать, довасильковать, василяться, отвасилять, свасилить, овасилить* и т.п. В ряде случаев участники эксперимента образовывали не глаголы, а глагольные словосочетания: *стать васильковым, делать васильковым*. Некоторые респонденты вообще отходили от мотивирующей основы и производили глаголы, отражающие их собственное толкование значения слова: *синеть, цвести, вальсировать, висеть, тащить силком*.

Аналогичная ситуация наблюдается в ответах третьей экспериментальной группы, участникам которой было предложено

написать известные им глаголы, используемые для передачи значения «быть/казаться/выглядеть синим», и глаголы, которые они могли бы сконструировать для передачи этого значения. Как и в предыдущей группе, глагол «васильковеть» не был упомянут ни одним респондентом. Среди известных глаголов лидирует глагол *синеть* (54%), на втором месте идет его дериват *посинеть* (29%). «Конструкты» участников эксперимента представляют собой либо уже существующие глаголы (*синеть, голубеть, окраситься, охладеть, окоченеть, напиться* и т.п.), либо глаголы, восходящие к словам, передающим значение синего цвета, и их англоязычным аналогам (*синячь, синевать, синючить, отсинивать, синюшничать, блубеть, блубить, блуберить* и т.п.), либо словосочетания, а не глаголы (*приобрести синий оттенок, дойти до посинения, походить на мертвеца* и пр.).

Данные факты, на наш взгляд, еще более подчеркивают нестандартность рассматриваемого глагола. Так что же отдаляет данное слово от стандарта? И почему, несмотря на свое рождение и солидный «возраст», оно так и не вошло в обиходный язык, не стало узуальным средством номинации?

Мы согласны с тем, что неполное соответствие глагола «васильковеть» своему словообразовательному прототипу снижают степень вероятности его появления в речи в качестве стандартной (типовой) номинативной единицы. Во-первых, четвертый слог утяжеляет слово, делает его громоздким средством коммуникации, что противоречит принципу экономии речевых усилий. Это одна из причин, почему мы не вводим в речевой обиход глаголы, которые можно было бы образовать от таких прилагательных, как *малиновый, апельсиновый, терракотовый* и т.п. Во-вторых, нетипичная, хотя и допустимая позиция ударения выбивает данный глагол из ряда подобных, делая его не вполне привычным. Данное обстоятельство, в числе прочих, объясняет тот факт, что наши респонденты не смогли образовать этот глагол от прилагательного «васильковый» и что среди полученных дериватов и в возможных контекстах употребления встречаются глаголы с другой позицией ударения и иной словообразовательной структурой.

Таким образом, некоторые отклонения от словообразовательных канонов, заложенные уже в мотивирующей основе, затрудняют стандартную реализацию указанного словообразовательного типа, который, в принципе, считается продуктивным, особенно в разговорной и художественной речи. В этой связи возникает вопрос: а не создает ли мотивирующая основа прочие «трудности» для нормальной (нормативной) реализации данного типа?

По своим характеристикам прилагательное «васильковый» подходит под описание потенциальных мотивирующих основ для рассматриваемого

типа глаголов, т.к. глаголы этого типа образуются 1) от немотивированных прилагательных (*немой – неметь*); 2) от суффиксальных отсубстантивных прилагательных с некоторыми морфемами, в число которых входит аффикс *-ов-*; 2) от префиксально-суффиксальных прилагательных (см. подробнее [Русская грамматика 1980: 346]).

Вместе с тем данное прилагательное является продуктом вторичной номинации, следствием развития признака «качество» у относительного прилагательного, т.е. речь идет о развитии значения на основе метафорического переноса. Однако степень метафоризации может варьироваться в зависимости от типа мотивации при переносе значения (см. подробнее [Земская 1984; Котлярова 2002]).

При первом типе наследуется переносное значение производящей семемы (*ангельский – чистый, непорочный*). При втором типе прилагательные развивают переносное значение на базе неосновных элементов значения (*мышинный – робкий, тихий*). В третьем случае прилагательные развивают собственное переносное значение на базе прямого основного значения мотивирующей основы, а именно на базе приписываемых референту свойств (*кошачий – хитрый, злой*). Последний тип характеризуется более высокой степенью метафоризации. Словообразовательные аффиксы также различаются в зависимости от степени метафоризации значения образованных с их помощью прилагательных.

По указанным параметрам прилагательное «васильковый» относится ко второму типу мотивации и характеризуется средней степенью метафоризации, которую наследует от него производный глагол. Это значит, что лежащие в основе переносного значения аналогии не настолько очевидны, чтобы их можно было легко и однозначно установить, но и не настолько глубинны, чтобы поражать своей неожиданностью. Для русского языка, в принципе, характерно развитие «цветового» значения у прилагательных, образованных от существительных, являющихся названиями различных предметов, имеющих определенную окраску: *абрикосовый, салатный, бирюзовый, жемчужный* и т.п.

Таким образом, возвращаясь к заданному вопросу, можем утверждать, что значение мотивирующей основы не создает существенных затруднений для осмысления значения производного глагола. Наоборот, оно вписывается в рамки нормы, шаблона, традиции. Однако вторичность/метафоричность значения закладывает некую долю неоднозначности – возможность апеллировать как к переносному значению, так и прямому, а также осуществлять дальнейшую метафоризацию. Данное обстоятельство, на наш взгляд, определило ту вариативность, с которой мы столкнулись в анкетах респондентов. Разные варианты явились результатом апеллирования к разным категориальным

областям (к самому растению, к его цветку, к символике цвета и т.д.), т.е. неоднозначность трактовки значения можно рассматривать как элемент нестандартности.

Полагаем, что метафоричность значения определяет еще одно обстоятельство, препятствующее узуальной реализации данной словообразовательной возможности, а именно ощущение принадлежности данного глагола к высокому языковому регистру, к художественно-поэтической речи. На это обращают внимание и респонденты, которые в ряде анкет отмечают, что *«не стали бы использовать данный глагол в своей/разговорной речи»*, что *«в нем нет необходимости, т.к. в русском языке есть другие (более простые и распространенные) глаголы с подобным значением»*, что *«данный глагол уместен в поэзии»*, что *«он относится к творческому, образному языку»*.

Заключение.

Таким образом, в числе факторов, определяющих степень стереотипности/креативности глагола «васильковеть», можно назвать особенности его словообразовательной структуры и семантики: продуктивный словообразовательный тип, средняя степень метафоризации мотивирующей основы, неоднозначность деривационного значения, большое количество слогов, не вполне типичная позиция ударения. Данные лингвистические особенности, в свою очередь, определяют его коммуникативную специфику – востребованность и уместность в определенном регистре речи, типе дискурса, что также влияет на его статус как стандартного/нестандартного языкового/речевого явления.

С одной стороны, продуктивность словообразовательного типа создает потенциальную возможность для создания рассматриваемого глагола в рамках существующего шаблона. С другой, вторичность номинации и известная степень метафоризации производящей основы, а также некоторое отклонение от привычного фоно-морфологического облика серийных глаголов данного типа ограничивают область применения подобного новообразования. Указанные особенности создают «препятствия» для его использования в качестве узуального (стандартного) языкового средства в повседневной коммуникации, которые, однако, преодолеваются при выходе за пределы данной коммуникации в сферу художественного дискурса. В этом выходе происходит реализация заложенной в данном слове образности, передающей творческое осмысление ситуации.

Библиографический список

Газизова Л.В. Стратегии идентификации полисемантического слова (на материале разносистемных языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 186 с.

Гиппиус З.Н. Стихотворения / Сост., подгот. текста. и примеч. А. В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с. (Новая библиотека поэта).

Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (II) // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2010. Вып. 4. С. 204-213.

Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1(17). С. 8-19.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.

Земская Е.А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach. 1984. Bd. 13. С. 334-352.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Котлярова Е.Н. Семантико-мотивационные отношения отсубстантивных двузначных имен прилагательных: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 206 с.

Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 155 с.

Русская грамматика: В 2-х т. Т. 1 / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др.; Редкол: Н.Ю. Шведова и др.; АН СССР, Ин-т рус. яз.. М.: Наука, 1980. 784 с.

Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. 134 с.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 184 с.

Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 158 с.

Щекотихина И.Н. Речевое творчество как отклонение от нормы // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Н.Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2016. Вып. 4 (11). С. 96-102.

References

Gazizova L.V. Strategii identifikacii polisemanticheskogo slova (na materiale raznosistemnyh yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2006. 186 s.

Gippius Z. N. Stixotvoreniya / Sost., podgot. teksta. i primech. A. V. Lavrova. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 592 s. (Novaya biblioteka poe`ta).

Zalenskaya A.A. Znachenie slova v zerkale psiholingvisticheskogo portretirovaniya (II) // Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. Vyp. 4, 2010. S.204-213.

Zalevskaya A.A. Znachenie slova i «zhivoi polikodovyi giperteksT» // Voprosy psikholingvistiki. 2013. № 1(17). S. 8-19.

Zemskaya E.A. Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie. M.: Prosveshchenie, 1973. 304 s.

Zemskaya E.A. Vidy semanticheskikh otnoshenii slovoobrazovatel'noi motivatsii // Wiener Slavischer Almanach. 1984. Bd. 13. S.334-352.

Karaulov YU.N. Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'. M.: IRYA RAN, 1999. 180 s.

Kotlyarova E.N. Semantiko-motivatsionnye otnosheniya otsubstantivnykh dvuznachnykh imen prilagatel'nykh: diss. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2002. 206 s.

Novikova I.V. Psikholingvisticheskoe issledovanie identifikatsii polimorfemnogo slova pri uchebnom dvuyazychii: diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 2011. 155 s.

Russkaya grammatika: V 2-kh t. T. 1 / N.S. Avilova, A.V. Bondarko, E.A. Bryzgunova i dr.; Redkol: N.YU. Shvedova i dr.; AN SSSR, In-t rus. yaz.. M.: Nauka, 1980. 784 s.

Sazonova T.YU. Modelirovanie protsessov identifikatsii slova chelovekom: psikholingvisticheskii podkhod: monografiya. Tver': Tverskoi gos. un-t, 2000. 134 s.

Sakharnyi L.V. Vvedenie v psikholingvistiku: kurs leksii. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989. 184 c.

Tkachenko N.M. Issledovanie strategii identifikatsii znacheniya psevdoslova: diss. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2007. 158 s.

Shchekotikhina I.N. Rechevoe tvorchestvo kak otklonenie ot normy // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoi deyatelnosti. Vyp. 4 (11). N.Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova, 2016. S. 96-102.